

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ¹

Социологический мониторинг, проводимый Институтом философии и права СО РАН в южных регионах Сибири, ориентирован прежде всего на комплексное изучение малочисленных народов в условиях резкого социального и экологического стресса, а также прогнозирования их дальнейшего развития. Основной целью исследования является диагностика различных параметров социального развития и разработка практических рекомендаций, направленных на предотвращение деструктивных тенденций и оптимальное решение вопросов правового регулирования межэтнических отношений, а также на создание условий для развития национального самоуправления и адаптацию к современным условиям традиционных систем жизнеобеспечения.

Создание условий для развития национального самоуправления, традиционных систем жизнеобеспечения и адекватной системы образования тубаларов, челканцев, кумандинцев, а также оптимального решения вопросов правового регулирования межэтнических отношений в последнее время привлекает к себе все большее внимание.

Об этом говорят положения Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 г., предусматривавшего, в частности, проведение научной экспертизы «влияния изменений исконной среды обитания и социально-культурной ситуации на развитие этноса».

Согласно этнолингвистической классификации, принятой в академической науке, алтайский этнос к XIX-XX вв. составляли субэтноты: южные – алтай-кижи, теленгиты и телеуты; и северные – кумандинцы, челканцы, тубалары. Все они имеют оригинальные этногенетические модели, связанные общностью исторических судеб, сохраняют этнокультурную и языковую специфику. Северные алтайцы специализировались в области таежной промысловой охоты, дополненной мотыжным земледелием. Их традиционная система природопользования, образ жизни, и этническая целостность в наибольшей степени пострадали в результате практики колонизации, воздействия административно-произвола и технократического прогресса².

Отчуждение земель при интенсивной эксплуатации ресурсов, деформация традиционной демографической структуры при ликвидации "неперспективных сел", ассимиляция, сокращение сферы языкового общения, привели к депопуляции этих субэтнотосов.

24 марта 2000 года было принято Постановление Правительства РФ "О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации". В соответствии с этим документом сохранение и возрождение малочисленных этносов должно стать одним из приоритетов государственной национальной политики России. В список было включено 45 этнонимов; среди них – тубалары, кумандинцы, челканцы. В основу этого документа были, по-видимому, положены самые хорошие сообщения. Ведь в нашем многонациональном государстве существуют не только "титовые" национальности, получившие те или иные права автономии, но и множество других народов, этнокультурная специфика которых не менее уникальна. И если государство прикладывает усилия для сохранения этого уникального наследия, то это, кажется, можно было бы только приветствовать.

Однако, на практике, как это часто и бывает, самые хорошие намерения очень часто оборачиваются неожиданной стороной. Нам хотелось бы привлечь внимание только к одному из аспектов проблемы. Помимо прочих мер, предусматриваемых вышеупомянутым документом, представители коренных малочисленных народов, включенные в этот перечень, получают теперь право на небольшие субсидии от государства и некоторые другие льготы, это, естественно, избирательно закрепляет социально-правовые приоритеты и создает условия для межэтнической конфронтации.

Основанием подобного заключения послужили результаты этносоциологического мониторинга, проведенного Институтом философии и права СО РАН летом 2000 г. в Турачакском, Майминском и Чойском районах Республики Алтай, являющихся зоной компактного проживания малочисленных алтайских субэтносов – тубаларов, кумандинцев, челканцев. Хотя наше исследование было в основном посвящено проблемам социально-экономической модернизации сельских локальных сообществ, в инструментарий был также включен блок вопросов, посвященных различным национальным проблемам (в особенности, изучению лингвистической ситуации).

По прошлым исследованиям нам было известно, что в большинстве ареалов Республики Алтай межнациональные конфликты практически отсутствуют. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что среди опрошенных нами жителей почти 10% отметили, что в их селе в последнее время имеется определенная напряженность в межнациональных отношениях (обычно этот показатель не выходит за пределы фоновых 3%-5%). Об этом же говорили и результаты стандартизованного опроса сельской интеллигенции.

Надо сказать, что обследованный ареал имеет полиэтничный состав населения. Русские составляют около 70% населения, а алтайцы – око-

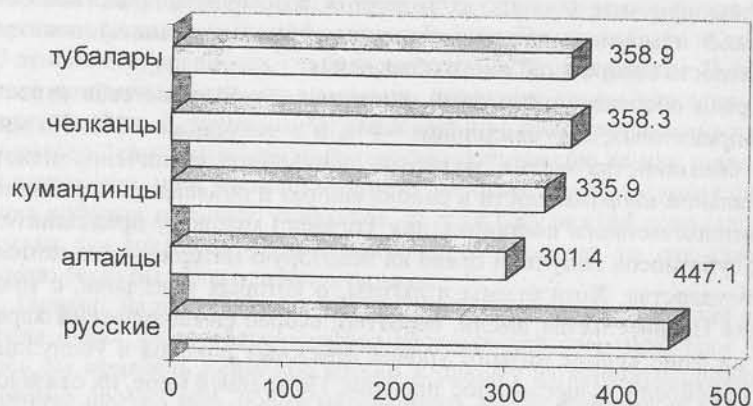
ло 25%. Первоначальная интерпретация замеченных фактов, естественно, была связана с каким-то противостоянием между основными национальными общинами. Однако, более подробное фокусированное интервьюирование нескольких экспертов (в основном, представителей сельской администрации и национальной интеллигенции) показало вероятность совершенно иного объяснения.

Среди обследованного нами населения к тубаларам себя отнесли 9% опрошенных, к кумандинцам – 5%, и к челканцам – 3%. По мнению большинства наших экспертов, замеченное увеличение межнациональной напряженности в районе как раз и объясняется принятием правительственного постановления, согласно которому представители этих субэтносов получили право на некоторую материальную помощь от государства. Хотя суммы и льготы, о которых идет речь, с точки зрения Правительства имели, вероятно, скорее символический характер, на фоне крайне низкого уровня денежных доходов в Республике они приобрели существенное значение. По крайней мере, их оказалось достаточно для того, чтобы в челканцы, тубалары или кумандинцы поспешили "записаться" многие из тех, кто имел хотя бы минимальные обоснования своей принадлежности к этим народностям.

Поскольку же реальный уровень жизни представителей этих субэтносов фактически ничем не отличается от уровня жизни их соседей других национальностей, такая "несправедливость", естественно, вызвала определенное увеличение напряженности. Нами не было зафиксировано ни одного социально-экономического показателя, который существенно бы отличался у представителей малых этносов. Наоборот, с введением в действие указанного постановления, их денежные доходы (около 360 рублей на члена семьи в месяц) теперь даже несколько превышают доходы их соседей, считающих себя "просто алтайцами" (около 300 рублей). (Диаграмма 1.)

Диаграмма 1.

Уровень среднедушевых денежных доходов

В основу указанного правительственного мероприятия, видимо, было положено предположение о том, что если малочисленные народы будут иметь некоторые льготы, то это будет способствовать их сохранению. То есть люди, имеющие возможность выбирать, будут склонны считать себя именно представителями малой народности, а не кем-то еще. Однако, совершенно не было учтено то, что даже если эта мера и будет способствовать сохранению этнонима, она вряд ли способна оказать какое-либо влияние на реальные этнические процессы.

Достаточно сказать, что более чем в 90% обследованных нами алтайских домохозяйств общение с детьми ведется исключительно на русском языке (у кумандинцев – 90%, у челканцев – 100%, у тубаларов – 95%), очевидно, что уже в следующем поколении кроме этнонима от этих этносов практически ничего не останется.

Адекватной реакцией на эти кризисные показатели стала высокая этнополитическая активность национальных элит, представляющие малочисленные тюркские группы северного Алтая.

О создании условий для развития национального самоуправления, традиционных систем жизнеобеспечения и адекватной системы образования тубаларов, челканцев, кумандинцев, а также оптимального решения вопросов правового регулирования межэтнических отношений шла речь на Первом съезде северных народов Республики Алтай, обозначившем программу экстренных мер, направленных на защиту тюркских этносов северного Алтая (1994 г.). Среди основных задач, поставленных 2-м съездом коренных малочисленных народов Алтая

(2000 г.), особо подчеркивалось законодательное закрепление малочисленными народами права собственности на землю, ее природные ресурсы и недра (включая разработку ценных металлов) в местах традиционного расселения с целью осуществления традиционной и другой хозяйственной деятельности, а также наделение коренных жителей исключительным правом на родовые охотничьи и промысловые угодья; в области культуры съезд провозгласил необходимость возрождения, сохранения и развития обычаев и традиций северных алтайцев, введение обязательного обучения родному языку³.

В области культуры съезд провозгласил необходимость возрождения, сохранения и развития обычаев и традиций северных алтайцев, введение обязательного обучения родному языку. Решения съездов были учтены в перспективах законодательной деятельности Правительства Республики Алтай, но реального развития они так и не получили.

В связи с увеличением общественного внимания к этим проблемам, особый интерес представляет изучение реальной ситуации в местах проживания коренных народов Алтая.

По нашим оценкам, в развитии локальных сообществ северного Алтая проявляются общие для региона тенденции к развитию вторичной натурализации экономических отношений и архаизации социальных отношений. Подтверждением этих тенденций является постановление ПРА от 26.06.2000 о принятии в первом чтении проекта закона "О родовой общине алтайцев", в котором утверждаются ценности, социальные институты, эколого-экономические стандарты конца XIX в., и игнорируется социально-экономические и политические реалии XX в. Данные опросов позволяют утверждать, что в настоящее время подавляющее большинство населения считает приоритетными социально-экономические проблемы; при этом уровень социальной активности остается очень низким, отсутствуют реальные модели самоуправления и эффективные модели природопользования. Национальные проблемы оцениваются населением как второстепенные, хотя в последние годы ценности, актуализирующие культурное наследие, язык и веру активно внедряются в массовое сознание. Фиксируется существенное повышение уровня тревожности массового сознания, в том числе и в области оценки этнической (этнокультурной) безопасности и межэтнических отношений. Это связано с неуверенностью людей в личной социально-экономической перспективе, с отсутствием адекватных социально-политических ориентиров и низкой адаптированностью к переменам в различных сферах общественной жизни.

Если экспедиционные работы 2000 года в основном были посвящены ситуации в регионе в целом, то в 2001 году более подробно была

изучена ситуация, характерная именно для представителей малочисленных народностей – тубаларов, челканцев и кумандинцев. Сбор приводимого эмпирического материала был осуществлен в ходе социологической экспедиции ИФиПр СО РАН в июле 2001 года на территории Турачакского района Республики Алтай. Всего было опрошено 228 человек, проживающих в 14 населенных пунктах.

Таблица 1

Национальный состав опрошенных

кумандинцы	41	18%
челканцы	82	36%
тубалары	43	19%
прочие	60	27%

Приводимые в таблице 1 данные соответствуют этнической самоидентификации опрошенных. Это единственный способ вычлнить представителей интересующих нас субэтносов, так как до самых недавних пор их точная национальная принадлежность не фиксировалась официальной статистикой (в паспортах указывалась только национальность «алтаец»). Это наглядно демонстрируется данными таблицы 2.

Таблица 2

Национальная самоидентификация и паспортные данные

национальность по паспорту	самоидентификация		
	кумандинцы	челканцы	тубалары
русские	5%	5%	2%
алтайцы	83%	82%	95%
прочие	2%	2%	2%
не ответили	10%	11%	1%

В приводимых в таблице данных любопытно отметить также тот факт, что не все представители малых субэтносов алтайского народа записаны в паспорте как «алтайцы». Часть из них предпочла указать какую-либо другую национальность.

Для более детального изучения национального облика опрошенных нами представителей малых народов Северного Алтая можно обратиться к данным о национальной принадлежности их родителей. Также, как и раньше, речь здесь идет о собственном представлении респондентов о национальности своих родителей.

Таблица 3

Национальность родителей

	кумандинцы		челканцы		тубалары	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
Русские	7%	10%	7%	5%	1%	13%
Алтайцы	2%	10%	4%	12%	8%	9%
Кумандинцы	88%	73%	0%	4%	0%	5%
Челканцы	0%	5%	84%	71%	0%	0%
Тубалары	0%	0%	1%	5%	90%	73%
Прочие	3%	2%	4%	3%	1%	0%

Из данных таблицы 3 следует, что в поколении родителей наших респондентов уровень метисации был не очень высок – около 70% опрошенных имеют и отца, и мать своей национальности. Надо также отметить, что национальность сравнительно чаще передается по отцовской линии.

Совсем по другому выглядят соответствующие показатели в следующих поколениях. В таблице 4 приведены данные о национальной принадлежности супруга (супруги) состоящих или когда-либо состоявших в браке респондентов.

Таблица 4

Национальность супруга

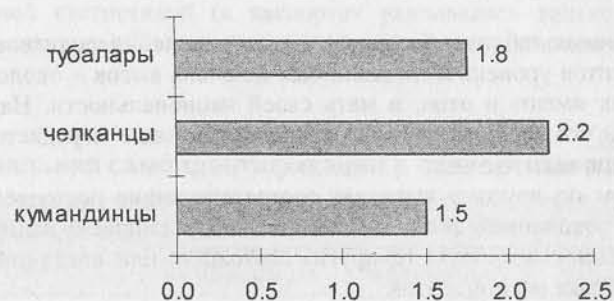
	кумандинцы	челканцы	тубалары
не в браке	22%	32%	26%
русский/русская	29%	13%	14%
алтаец/алтайка	29%	46%	42%
прочие	20%	9%	19%

Менее половины опрошенных имеют супруга алтайской национальности, а среди кумандинцев таких вообще менее трети. Другими словами, количество моноэтничных пар за последние 25 лет (одно поколение) сократилось практически вдвое – с примерно 65% до примерно 35%.

Аналогичный вывод о нарастающем процессе метисации можно сделать и на основании данных о национальной принадлежности детей, рожденных в этих браках. Прежде всего отметим, что в семьях наших респондентов число детей достаточно высоко – на уровне 2.0 в расчете на семью (для сравнения, в среднем по России эта цифра равна порядка 0.8). То есть, в семьях алтайцев Турачакского района Республики Алтай обеспечивается, по крайней мере, простое воспроизводство населения. Наилучшая ситуация в этом смысле у челканцев, а худшая – у кумандинцев (последние вообще выглядят более обрусевшими по целому ряду параметров, как описано ниже, так что усвоение ими в большей степени европейского типа воспроизводства не кажется чем-то удивительным).

Диаграмма 2.

Число детей в семье

По мнению опрошенных, лишь приблизительно в 50% случаев их дети сохраняют свою принадлежность к тому же субэтносу, что и родители (таблица 5).

Таблица 5

Национальность детей

	кумандинцы	челканцы	тубалары
нет детей	10%	28%	23%
русские	17%	6%	2%
алтайцы	20%	16%	33%
кумандинцы	56%	1%	0%
челканцы	2%	52%	0%
тубалары	0%	0%	47%
Прочие	2%	0%	0%

Следующим по распространенности вариантом национальной принадлежности детей является причисление их к алтайцам, без выделения субэтнической идентификации (до 33% у тубаларов Турачакского района). У кумандинцев также весьма распространено указание русской национальности детей (17%).

Учитывая рассмотренные данные о численности детей в семье и предполагая, что родители в целом адекватно описывают выбор самоидентификации их детьми, можно прийти к выводу, что уже в следующем поколении число лиц, считающих себя кумандинцами, челканцами или тубаларами сократится в два – два с половиной раза.

Подводя итог обзору данных относительно национальной самоидентификации жителей Турачакского района Республики Алтай надо также добавить, что в настоящее время большинство из них имеют заметный стимул считать себя представителями малых народов в связи с некоторыми льготами, которые можно получить в соответствии с известным постановлением о перечне малых и исчезающих народов России (возможность эта пока что чисто теоретическая, никто из наших респондентов таких льгот не получал).

Здесь же мы более подробно рассмотрим некоторые культурные аспекты проблемы. Для адекватного понимания ситуации важно учитывать не только (и не столько) сохранение того или иного этнонима, сколько культурные реалии, скрывающиеся за ним. И в этом отношении собранные данные показывают гораздо более высокий уровень этнической гомогенности, чем можно было бы предположить из при-

веденных выше материалов относительно национальной самоидентификации.

Диаграмма 3

Обратимся, прежде всего, к лингвистическим характеристикам. На диаграмме 3 приводятся цифры относительно того, какой язык наши респонденты считают родным. Хорошо видно, что значительная часть опрошенных (до половины среди кумандинцев) в качестве родного рассматривают русский язык.

Эти данные можно также дополнить рассмотрением того, какая часть респондентов владеет алтайским языком (независимо от того, считают они его родным или нет).

Таблица 6

Владение алтайским языком

	кумандинцы	челканцы	тубалары
Свободно	54%	74%	49%
с трудом	24%	18%	28%
не владеют	22%	8%	23%

Из таблицы 6 видно, что лишь среди челканцев (которые вообще во многих отношениях являются группой, наиболее сохранившей свое национальное своеобразие) доля владеющих в той или иной степени алтайским языком приближается к 100%. В остальных субэтносах око-

ло четверти опрошенных не владеют алтайским языком вообще и еще четверть – владеют с трудом. Довольно обескураживающий факт на фоне высокого уровня сохранения национальной самоидентификации.

Но даже такое знание национального языка не находит реального применения в повседневной жизни. Как видно из данных, приводимых в таблице 7, даже среди челканцев лишь примерно половина опрошенных использует алтайский язык для общения с другими людьми, в то время как у кумандинцев и тубаларов доля активных носителей языка не превышает одной трети.

Таблица 7

Использование алтайского языка в общении

	кумандинцы	челканцы	тубалары
с родителями	20%	45%	16%
с супругом	17%	37%	30%
с детьми	17%	38%	28%
с родственниками	37%	63%	42%
с соседями	27%	62%	35%

Наиболее важным является тот факт, что лишь меньшинство респондентов использует алтайский язык для общения со своими детьми. Среди челканцев таких 38%, среди тубаларов – 28%, а среди кумандинцев вообще всего 17%.

Материалы исследования говорят о значительном сужении сферы функционирования алтайского языка, об активной его ассимиляции со стороны русского языка и о неэффективности системы национального образования.

Аналогичные выводы можно сделать и на основании анализа других данных о культурном своеобразии малых народов Северного Алтая. С целью изучения национальной самобытности в рамках нашего исследования респондентам специально задавался целый блок вопросов, посвященных наличию (отсутствию) каких-либо этнических особенностей в различных сторонах их повседневной жизни. Сводные данные по этому блоку вопросов приводятся в таблице 8.

Надо отметить, что эта информация специально изучалась при помощи серии вопросов, раскиданных по всему интервью, а не собранных, – как это часто делается – в отдельный блок инструментария. Такой подход позволил избежать «наведенных» оценок, появляющихся в

результате желания респондента «подыграть» исследователям, так как наличие национальной самобытности обычно воспринимается как положительная характеристика.

Таблица 8

**Наличие национальных особенностей
в материальной и духовной культуре**

	кумандинцы	челканцы	тубалары
методы хозяйства	2%	8%	7%
орудия труда	0%	9%	0%
методы промысла	0%	10%	4%
орудия промысла	0%	6%	0%
домашняя утварь	7%	22%	30%
одежда	0%	1%	7%
жилище	0%	4%	9%
праздники	39%	77%	60%
верования	7%	30%	16%

Как видно из таблицы 8, культурные особенности, отмечаемые нашими респондентами, весьма незначительны. Заметные отличия сохраняются лишь в области используемой национальной утвари (20%-30% у челканцев и тубаларов) и в отмечаемых праздниках (а также, вероятно, в способах организации этих праздников). Некоторые особенности присутствуют, по утверждению респондентов, и в распространенных верованиях.

Фактически, отличительной чертой, сохраняющейся у всех трех субэтносов, является национальное своеобразие фестивальных практик (от 39% у кумандинцев до 77% у челканцев). Остальные отличия носят эпизодический характер.

Наиболее важным является тот факт, что нет никаких отличий в социально-экономических практиках, используемых представителями малых народов Северного Алтая. Иными словами, они работают точно так же, как их односельчане других национальностей, точно также организуют свой быт и время, используют те же сельскохозяйственные приемы и орудия труда.

В самом деле, такой вывод подтверждается всеми данными этого и предыдущих социальных обследований, проводившихся авторами в Турачакском районе. Социально-экономический базис крестьянского домохозяйства в сельских локальных сообществах района практически идентичен у представителей всех национальностей.

Хотя русское население района имеет несколько более высокий уровень среднедушевых доходов (примерно 400-450 рублей на человека в месяц против 300-350 у представителей коренных национальностей, см. таблицу 9), при крайне незначительном общем объеме денежных доходов, играющих подчиненную роль в хозяйстве селян, это отличие не имеет принципиального значения. Объясняется оно тем, что среди русских несколько большая часть числится в той или иной формальной организации (крупхоз, школа, больница и т.д.) и получает там время от времени некую номинальную зарплату.

Таблица 9

Уровень среднедушевых доходов

	2000	2001
Русские	447.1	413.8
Алтайцы	301.4	335.4
Кумандинцы	335.9	361.3
Челканцы	358.3	304.9
Тубалары	358.9	358.2

Основную же жизнеобеспечивающую функцию, как показывают данные наших исследований, выполняет натуральное по форме индивидуальное крестьянское хозяйство, имеющееся у подавляющего большинства жителей (90%-95%).

При этом в контексте рассматриваемой здесь проблематики наиболее важным является тот факт, что натуральность жизнеобеспечивающих практик одинаково свойственна всем без исключения национальным общинам района (см. таблицу 10). Из данных этой таблицы можно даже было бы заключить, что челканцы и тубалары имеют более товарное хозяйство. Но на самом деле наблюдаемые отличия в цифрах лежат в пределах статистической ошибки. На рынок в той или иной форме поступает лишь около 5% продукции крестьянских хозяйств.

Товарность крестьянского хозяйства

	продают	потребляют
Русские	0%	100%
Алтайцы	5%	95%
Кумандинцы	0%	100%
челканцы	9%	91%
тубалары	11%	89%

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время малые народы Северного Алтая еще сохраняют некоторые черты национальной самобытности, что проявляется в лингвистической и отчасти в культурной сфере. Однако имеющиеся национальные особенности имеют тенденцию к нивелировке, и уже в следующем поколении будут носить чисто «косметический» характер, хотя этнонимы кумандинцев, челканцев и тубаларов будут распространены, вероятно, еще достаточно широко.

Основной причиной продолжающейся культурной ассимиляции является в первую очередь исчезновение объективного материального базиса для сохранения этнических отличий.

Данные наших исследования показывают, что проблемы, возникающие в процессе адаптации коренных малочисленных народов к современным социально-экономическим реалиям напрямую коррелируют с развитием национального самоуправления, традиционных систем жизнеобеспечения и адекватной системы национального образования. Именно эти факторы в настоящее время определяют образ жизни коренного населения, степень остроты его проблем и характер сочетания традиционного и социально-модернизационного его аспектов.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-03-00544

² Октябрьская И. В., Нечипоренко О. В., Озонава А. А., Пустогачева С. Ч. Современные этнополитические процессы в Республике Алтай. Проблемы малочисленных коренных народов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 519–524.

³ Пустогачев Я. А. Социально-экономическое и правовое положение северных этносов Алтая и пути их дальнейшего развития в современных условиях // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997. С. 87–95.